

Глава 3. **Напластование реформ: подходящий принцип в промысловом налоге**

Война и голод – двигатели налоговых реформ в России. После неурожая и голода 1891/92 г. Минфин, получивший задание «поскрести по сусекам», немного увеличил сборы в рамках действующей системы (закон от 21 декабря 1892 г.), но для более существенной прибавки опять потребовал коренной реформы. В ноябре 1892 г. «по высочайшему повелению» при Министерстве финансов была создана комиссия «для общего пересмотра торгово-промышленного обложения». В её состав вошли представители заинтересованных ведомств, биржевых комитетов и купеческих управ, а также множество «сведущих лиц»⁹⁰. Комиссия вновь отказала реформаторам в стремлении сделать подходящий принцип единственной опорой промыслового налога. В итоге долгой борьбы родился проект, утверждённый 8 июня 1898 г. под именем Положения о государственном промысловом налоге⁹¹. Его принятие стало не только важной налоговой реформой, но и заметным антисословным мероприятием.

За сотню лет после Екатерины II налог с торговцев и промышленников успел поменять разные названия, успел (как мы уже видели) существенно измениться. Но осталось нечто неизменное: даже эта, сугубо коммерческая, отрасль находилась в сословных тисках. Монополию на крупную торговлю держало в своих руках купеческое сословие. Реформа 1863–1865 гг. открыла доступ в купечество всем, кто готов за это платить – и тем изрядно ослабила сословные границы. Но сама по себе купеческая монополия сохранилась даже по итогам «Великих реформ». Желающие вести торгово-промышленные занятия должны были в начале года купить свидетельство (в просторечии – «патент») той или иной категории. Выборка свидетельств двух самых дорогих групп предоставляла их владельцам «сверх прав на торговлю, звание купеческое и соединенные с оным личные преимущества»⁹². В дополнение к патенту требовалось оплачивать «билеты» на отдельные лавки (заводы). Тем не менее, карусель промыслового налога вращалась вокруг личности купца, хозяина дела.

Конец купеческой монополии

Всё переменялось в июне 1898 г. Единицей учёта оказалось предприятие (будь то промышленное или торговое). На каждое заведение (а не на его владельца) в начале года выбирался патент, на каждое заведение подавалось по итогам года заявление о прибылях. Купеческое звание сохранилось, но стало необязательным излишеством. За него предлагалось доплачивать

---

⁹⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 56. Л. 8 об.

⁹¹ ПСЗ-3. Т. XVIII. Отделение 1-е. С. 489–515.

⁹² ПСЗ-2. Т. XL. Отделение 1-е. С. 159.

отдельно, получая при этом некоторые личные права (защиту от розог, например). Многие солидные торговцы даже накануне мировой войны по-прежнему выбирали купеческие свидетельства – кто по привычке, кто для солидности. Купеческое сословие сохранилось. Но в торговых правах купцы окончательно сравнялись с прочими группами общества.

Ликвидация торгово-промышленной монополии купечества – событие из ряда антисословных мероприятий, начатого отменой крепостного права. Но зачем это понадобилось министру финансов С.Ю. Витте? Если он занялся вопросами общественного переустройства, в этом надо искать практический смысл. Смысл этот легко выявляется при знакомстве с документами податного надзора.

Уже не первый год сотрудников Минфина волновала проблема равномерности обложения. Было ясно, что патентная система, которая опирается на внешние признаки, а не на действительную прибыль, давит на разные предприятия с разной степенью тяжести. Простой расчёт показывал, что владелец одной лавки платит с неё гораздо больший налог, чем владелец нескольких таких же лавок с каждой из них. Поэтому отдельный учёт предприятий, а не предпринимателей, лучше подходил для равномерного обложения прибылей.

Но одной этой меры было недостаточно, чтобы справиться с неравномерностью обложения. Ведь сохранялся патент, действие которого не было уничтожено реформой Н.Х. Бунге. Появившийся в 1885 г. дополнительный промысловый налог платили все предприятия (даже беднейшие), и значит, он лишь в малой части исправлял неравномерность обложения. И значит, правительство по-прежнему не могло повысить сборы с торгово-промышленного мира механическим повышением ставок. Для борьбы с этим недостатком механизм дополнительного промыслового налога был в 1898 г. существенно дополнен.

Дополнение к дополнительному налогу

В составе дополнительного промыслового налога появились два новых сбора – процентный сбор с капитала (для отчётных предприятий) и сбор «с излишка прибыли» (для неотчётных). В итоге промысловый налог стал представлять целую систему сборов, в которую сложно вникнуть. Но эти, на первый взгляд, технические подробности позволяют увидеть смысл реформы.

Реформа 1898 г., преследуя ту же цель, что и предыдущая (выровнять тяжесть обложения), действовала совсем иначе. Новые сборы решали не одну задачу, а две: не только повысить поступления с богатых предприятий, но и избежать повышения с бедных. Основная часть богатых плательщиков – в числе отчётных предприятий. Патент съедал у них лишь малые доли процента от прибыли. Если пренебречь этими долями, получается, что по реформе 1885 г. промысловый налог для отчётных предприятий имел шкалу плоскую и низкую: 3 % при любом доходе. Новый сбор назывался процентным сбором с капитала (в размере 0,15 %), на деле же имел в виду обложить *прибыль*. Цифра 0,15 % имеет вполне определённый смысл: это 3 % от прибыли,

составляющей 5 % на капитал (столько можно было получить по банковскому вкладу, поэтому Минфин рассматривал этот доход как минимальный оправдывающий ведение собственного дела).

Схема: Промысловое обложение по итогам реформы 1898 года

В сумму сбора с капитала зачитывался уплаченный основной промышленный налог. Дополнительный налог, таким образом, поглотил налогосновной. По существу, патент для крупных предприятий (а отчётные предприятия за редким исключением – и есть крупные) заменился процентным налогом с твёрдой ставкой, единой для всех. Он по-прежнему

дополнялся сбором с прибыли, который теперь стал прогрессивным. Прогрессия колебалась от 3 % (для предприятий, получивших прибыль в пределах 4 % на капитал) до 11 % (для прибыли свыше 10 %) ⁹³. Таким образом, в результате реформы промысловый налог для отчётных предприятий из «плоского» стал прогрессивным. Лишь пятью годами ранее эта новинка – прогрессивная шкала – появилась в квартирном налоге, и вот уже она применяется к акционерным обществам.

Особый подход требовался неотчётным предприятиям. Их важность объясняется тем, что именно среди них находились переобложенные предприятия, налоговая нагрузка которых не допускала увеличения. Именно в этой группе скрывался стопор, не дающий повышать поступления в бюджет путём общего увеличения ставок.

Для неотчётных предприятий до 1898 года шкала оставалась, по сути, даже не плоской, а регрессивной: чем больше прибыль предприятия, тем меньшую её долю оно отдаёт в налог. Превратить эту регрессию в плоскую шкалу – уже было бы достижением. На это и нацеливался сбор «с излишка прибыли». Он взимался в размере одной тридцатой «той части прибыли, которая превышает увеличенный в 30 раз оклад основного промыслового налога». Другими словами, речь идёт о налоге в 3,3 % на прибыль тех предприятий, у которых основной промысловый налог забирал менее, чем 3,3 % прибыли. Предложенный механизм позволил не повышать обложение предприятий, у которых патент забирал относительно большую долю, но повысить (иной раз – на порядок) обложение предпринимателей, обложенных легко.

Итак, реформа Витте продолжила реформу Бунге. Целью обеих было существенное повышение бюджетных доходов от промышленности и торговли за счёт богатых предприятий без существенного увеличения (а в 1898 г. – даже без малейшего увеличения) нагрузки на предприятия бедные.

Закон и замысел

И закон 1898 г., и представление в Государственный совет написаны так, чтобы не вызывать сомнений: всё тщательно продумано, изложенная схема – лучшая из всех возможных, иного пути нет. На самом же деле, Минфину вновь не удалось воплотить свои замыслы полностью.

В отличие от реформы 1885 г., подготовка которой исследована довольно подробно ⁹⁴, разработка реформы 1898 г. не удостоилась специального

---

⁹³ На самом деле, верхняя граница шкалы описывалась более сложной формулой: «получившие чистую прибыль свыше десяти процентов на их основной капитал [платят] шесть процентов со всей суммы полученной на него чистой прибыли и, сверх того, ещё пять процентов с той суммы чистой прибыли, которая превышает десять процентов на означенный капитал». Таким образом, правильнее сказать, что для самых высокодоходных предприятий налог с прибыли стремится к 11 %, но не достигает этой цифры хотя бы в малой доле.

⁹⁴ Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х годов (Введение дополнительных сборов к промысловому налогу: 3-процентного и раскладочного) //

изучения. Тем не менее, основные сведения о подготовке Положения 1898 г. известны – благодаря классической монографии Л.Е. Шепелёва⁹⁵. Подчёркивая фискальный интерес министра финансов С.Ю. Витте к этой реформе, автор указывает и ключевую проблему, которую пыталось устранить руководство Минфина. «Неуравнительность» патента не позволяла налогу обеспечить рост доходов казны в соответствии с ростом промышленности и побуждала ставить вопрос о его (патента) отмене. Начиная в 1893 г. разработку очередной реформы промыслового налога, министр финансов надеялся убрать патент полностью.

Эта реформа не избежала обычных для своего времени этапов законотворческого процесса. Собрав в 1893 г. мнения управляющих казёнными палатами, столичные чиновники затем создали межведомственную комиссию с участием общественных представителей; разработанный ею проект был снова направлен казённым палатам, по их отзывам исправлен, вновь обсуждён в комиссии, разослан по заинтересованным ведомствам, и с учётом их мнений в феврале 1898 г. предложен в Госсовет, где и одобрен.

Реформа состоялась. Но по ходу её подготовки выпала ключевая деталь. Патент сохранился, и это была уступка со стороны реформаторов. Чем была вынуждена эта уступка, помогают понять документы, отложившиеся в фонде Томской казённой палаты⁹⁶.

Не считая сопроводительного письма, всё дело состоит лишь из трёх документов – департаментский запрос, ответ палаты (чистовик с небольшой последней правкой, оставленный в качестве отпуска) и черновик этого же ответа⁹⁷. Запрос подписал лично Владимир Иванович Ковалевский, свежеиспечённый директор Департамента торговли и мануфактур (именно этот департамент ведал во 2-й половине XIX в. и торгово-промышленным налогообложением). К руководству промышленной политикой Ковалевского привлёк новый министр финансов С.Ю. Витте, полагавший его «человеком замечательно талантливым». Несколько ранее, в министерство Н.Х. Бунге, Ковалевский руководил одним из отделений Департамента окладных сборов: следовательно, опыт позволял ему понимать роль промыслового налога не только в определении отношений государства с предпринимателями, но и в преобразовании всей податной системы страны.

Датированное 8 марта 1893 г. отношение В.И. Ковалевского в адрес председателя Томской казённой палаты М.А. Гилярова отпечатано типографским способом, с оставлением лишь пропусков для имени-отчества и титула. Ясно, что оно рассылалось, по меньшей мере, десяткам председателей

История СССР. 1979. № 1. С. 159–173. Эта статья излагает один из главных результатов диссертации 1978 г.

⁹⁵ Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука, 1981. С. 226–229.

⁹⁶ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160.

⁹⁷ Они расположены на листах: 1–2 (запрос), 4–8 об. (черновик), 9–15 (чистовик).

казённых палат. По давно сложившейся практике, реформаторы пытались представить свои предложения как воплощение требований снизу.

Сообщая казённой палате о создании в ноябре 1892 г. «комиссии для общего пересмотра узаконений, относящихся до обложения торговли и промышленности», Ковалевский просил представить соображения по теме работы комиссии. Перечислив ряд частных вопросов, он в заключение просил рассмотреть этот предмет «возможно всесторонне, не ограничиваясь поставленными выше вопросами»⁹⁸.

Отношение 8 марта 1893 г. несёт гриф «совершенно доверительно». Столичные реформаторы явно не хотели, чтобы слухи о предстоящей реформе распространились прежде времени. Не ограничиваясь этой мерой предосторожности, авторы отношения постарались сделать его возможно более обтекаемым. Давая понять, к чему клонят, они, тем не менее, не называли вещи своими именами. Однако томичи отлично их поняли.

Расплывчатым понятием «томичи» нам придётся пользоваться, поскольку непосредственный автор отправленного в мае 1893 г. ответа неизвестен. Адресат «совершенно доверительного» письма, Михаил Алексеевич Гиляров, почётный гражданин Томска, стоявший во главе местной казённой палаты более четверти века, уже заканчивал свой жизненный путь и по болезни не принял участие в разработке ответа. Документ ушёл за неразборчивой подписью одного из начальников отделений, уклонившегося от единоличной ответственности («Казённая палата, составив с возможно поспешностью требуемые Вам соображения, имеет честь представить их»...) ⁹⁹.

Основная часть девяти пунктов, сформулированных в письме Ковалевского, содержит достаточно точные вопросы, направленные на шлифовку существующих правил. (Например, в первом пункте спрашивается, какие из торгово-промышленных действий, ныне освобождённых от выборки промысловых свидетельств, могли бы быть привлечены к обложению). Однако вопрос № 5 выделяется по своему значению. «Признаете ли Вы необходимым подвергнуть коренному пересмотру нынешнее Положение о пошлинах за право торговли и промыслов, с целью упрощения действующего порядка обложения, а равно для установления большего соответствия между обложением <...> и доходностью предприятия»¹⁰⁰.

Расплывчатую формулу об «упрощении» и «большем соответствии доходности» томичи «перевели с дипломатического на русский» совершенно определённо. Читаем ответ: «Отменить выдачу документов 1-й и 2-й гильдий значит упразднить целое сословие в империи». В запросе Ковалевского эта формулировка – отмена гильдейских свидетельств (патентов) – не встречается ни разу. Но томичи прекрасно поняли эвфемизм, тем самым подчеркнув то, что могло бы иначе быть не очевидно для нас: геркулесов подвиг, на который

---

⁹⁸ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160.Л. 2.

⁹⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰⁰ Там же. Л. 1 об.

в очередной раз замахнулись столичные реформаторы в 1892 г., стоял на повестке дня давно.

Для чего Департаменту потребовалось маскировать свой замысел? Ответ на этот вопрос виден из следующего пункта (№ 6). Возможно ли заменить раскладочным сбором «часть сумм, поступающих в виде пошлин за право торговли и промыслов, путём постепенного уменьшения окладов пошлин за торговые документы» – так ставился вопрос. Вопрос, очевидно, не имел бы смысла, если бы реформаторы рассчитывали добиться того, что подразумевалось в пункте 5. Но они на это не полагались и просчитывали запасной вариант: если полностью отменить патент не удастся, то хотя бы – уменьшить его роль.

Ни тот, ни другой вариант не вызвал сочувствия у сотрудников казённой палаты – и не оставил их равнодушными. Составленный в целом вполне прозаично, томский ответ при обсуждении 5-го пункта становится образным, как литературное произведение. Отменять патент «значило бы ломать здание, просуществовавшее чуть не два века» – читаем в черновике томского ответа¹⁰¹. В чистовике это место дополнительно подчёркнуто риторически: «...здание, просуществовавшее чуть не два века (с 1721 года) – здание, в котором жили и живут десятки тысяч деятельных, предприимчивых граждан. Теперь купцы дорожат и гордятся своими гильдиями»¹⁰².

Продолжая филиппику против отмены патента, томичи пишут: «Если коренной пересмотр Положения о торговых пошлинах имеет в виду достигнуть большего соответствия между обложением торговцев и размерами и доходностью их предприятий, то в настоящее время цель эта вполне достаточно¹⁰³ достигается раскладочным сбором. Члены окруж[ных] податных присутствий хорошо знают дела друг друга и при раскладке дополнительного налога всегда принимают в соображение, кто какую гильдию платит, и где содержит свои торгово-промышленные предприятия, и стараются, чтобы обложение было вполне соразмерно с доходностью предприятий»¹⁰⁴. Эта же мысль повторяется и при ответе на 6-й пункт письма Ковалевского, где речь шла об уменьшении цены патента. Томичи вновь отлично видят подтекст этого предложения (неравномерность патента) и вновь делают вид, что эта проблема решена: неравномерность «теперь прекрасно устраняется» раскладочным сбором.

Настойчивое утверждение казённой палаты о том, что неравномерность патента устраняется раскладочным сбором, весьма важно для нас. Дело в том, что оно заведомо неверно. Даже если считать, что раскладочный сбор распределялся присутствиями сообразно действительной прибыли, сам этот

---

¹⁰¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 6.

¹⁰² Там же. Л. 12.

¹⁰³ Последние три слова – поверх зачёркнутого «отчасти». Налицо усиление высказывания.

¹⁰⁴ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 6.

сбор являл собою лишь прибавку к основному промысловому налогу, к патенту. И размер его устанавливался на уровне 1–2 % суммарной прибыли предприятий участка. Притом основной промысловый налог забирал у беднейших плательщиков раскладочного сбора до 15 %, а у самых богатых – лишь доли процента прибыли. Даже с учётом раскладочного сбора относительная тяжесть обложения слабейших предприятий в разы (а то и на порядок) превосходила тяжесть обложения сильнейших¹⁰⁵. Не зная этого казённая палата не могла, ведь на ней лежал и общий надзор за взиманием промыслового налога, и раскладка дополнительного сбора между податными участками.

Использование заведомо несостоятельного тезиса о том, что патент уравнивается раскладкой, указывает на то, что и казённая палата не говорит прямо то, что думает. Формально принимая риторику автора запроса (сделать налог более полезным для казны, а нагрузку на предпринимателей – более равномерной), томичи на самом деле стремятся к чему-то другому. То, что написано в ответе на запрос – лишь *довод*; каков же действительный *резон* палаты?

Силы торможения

Здесь уместно обратиться к воспоминаниям Н.Н. Покровского. В них ничего нет именно про 90-е годы и именно про Томскую казённую палату, зато есть то, чего не найдёшь в департаментских документах: взгляд человека, знающего дело изнутри и уже не скованного необходимостью хранить корпоративные секреты. Вот как бывший директор Департамента окладных сборов описывает события второго пятилетия XX века: «Мы решились поэтому поставить ребром вопрос о совершенной отмене патентного сбора для всех вообще предприятий, кроме таких мелких заведений, для которых невозможно исчислить ни оборотов, ни прибылей. Но тут пришлось встретить самую жестокую оппозицию и притом одновременно с двух сторон: промышленников и торговцев – с одной, и членов финансового управления – с другой». Не отвлекаясь в данном случае на объяснение позиции промышленников и торговцев (очевидно, что речь идёт о крупных предпринимателях, которым такая реформа сулила несомненный ущерб), автор переходит сразу к своим коллегам. «Последние, в лице многих, даже скажу, большинства управляющих казенными палатами и податных инспекторов, возражали с чисто финансовой точки зрения: [1] что обращение патентного сбора в окладной с прибылей не будет обеспечивать правильного его поступления; [2] что каждый торговец и промышленник охотно выбирает патент, чтобы иметь право торговли или производства промысла, и выбирает его до наступления года; что, наконец, [3] определение класса или разряда

---

¹⁰⁵ Необходимый анализ первичных данных приводится ниже в этой же главе. Он выполнен на материалах 1914 г., отражающих логику, которая действовала и в конце XIX в.

предприятия много проще и для фиска, и для плательщика, нежели исчисление прибылей»¹⁰⁶.

Повторюсь, Н.Н. Покровский ведёт речь о проекте 1906 г. Но и в середине 1890-х местные чиновники как минимум не были едины. С одной стороны, известно, что отдельные казённые палаты деятельно поддерживали руководство министерства. Как указывает А.Л. Дмитриев, составленный в 1893 г. «Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России» заведующего Варшавской казённой палатой И.Я. Рудченко даже вошёл составной частью в представление проекта 1898 г. для Госсовета¹⁰⁷. Реформаторское настроение господствовало и в Тобольской казённой палате. В фонде Департамента окладных сборов сохранилась записка начальника отделения Тобольской казённой палаты Меншенина (писанная, судя по содержанию, между реформами 1885 и 1898 гг.). Автор её не просто критикует промысловый патент, но предлагает самостоятельные решения этой проблемы¹⁰⁸. Обстоятельная и даже довольно резкая критика «того безобразного туловища, о котором так метко сказано в трактате академика Янжула "Финансовое право" по поводу закона 1885 г.» велась и низовыми сотрудниками палаты на съезде податных инспекторов Тобольской губернии 1902 г.¹⁰⁹.

Но так было не везде. Можно вспомнить отзыв В.И. Ковалевского, который аттестовал казённые палаты 1880-х годов как «архаические учреждения времён Екатерины II» и рассказывал смешные истории про встреченных им «чиновников гоголевского типа»¹¹⁰. Томская казённая палата с её возражениями оказалась в ряду многих, если не большинства, стоявших по другую сторону баррикады – заодно с крупными купцами. Мы видели, что Н.Н. Покровский, посевший в чиновных коридорах и потому авторитетный в суждениях об аппаратных настроениях, полагал причиной оппозиции чиновников «чисто финансовые» соображения. Их можно перефразировать так: опасения насчёт возможного ущерба казне (1), уверенность в достаточности существующей системы (2), стремление отказаться от излишней работы (3). Сверим эти соображения с теми доводами, которые приводит Томская казённая палата.

Один из доводов совпадает. О привычке купцов к патентам (столь сильной, что в нужное время они сами несут в казну деньги и берут правильные

---

¹⁰⁶ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. [Электронная версия: файл pdf, формат А4]. Глава 4. С. 107–108.

¹⁰⁷ Дмитриев А.Л. Предисловие: налоговая политика в период министерства С.Ю. Витте // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. В пяти томах. Том 2. Налоги, бюджет и государственный долг России. Кн. 1. М.: Наука, 2003. С. 20.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 33. Д. 531. Л. 1–25.

¹⁰⁹ ГАТ. Ф. И-154. Оп. 15. Д. 226. Л. 46–58.

¹¹⁰ Воспоминания В.И. Ковалевского / Публикатор: Л.Е. Шепелёв // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2. С. 5–96. С. 30.

свидетельства), в черновике томского ответа сказано даже трижды (оба повтора при доработке вычеркнуты)¹¹¹. Но томичи не пишут о возможном сокращении поступлений при новой системе (что логично, раз они выставляют столь совершенной работу раскладочных присутствий). Не приводится и довод о простоте старой системы (что опять же логично, раз существующие методы определения прибыли они называют достоверными). Их возражение против реформы сводится к выступлению против перемен на том основании, что и действующая система неплохо работает. Остаётся поле для сомнения: действительно ли во главе угла для томичей стояли «чисто финансовые» соображения, или местные финансисты, связанные личными знакомствами с миром капитала, старались сыграть на руку крупным купцам?

Для размышления над этим вопросом полезно рассмотреть томский ответ не только на 5-й и 6-й пункты, о которых шла речь до сих пор, но и на другие вопросы письма В.И. Ковалевского. В большинстве своём эти ответы содержат предложения об увеличении сборов с предпринимателей. Так, томичи предлагали отменить льготу, предоставленную мещанам-ремесленникам: «мещане – единственное сословие в империи, свободное от всяких налогов в пользу казны. Платят они сборы только в доход города, но и то ничтожные в сравнении с другими сословиями»¹¹². Предлагали изменения в «росписях Е и Ж», имеющие целью не допускать среднюю гильдейскую торговлю (с оборотом по 10–20 тыс. р. в год) по свидетельствам на мелочный торг. Для такого манёвра высокодоходным профильным магазинам (торгующим, например, посудой, или кожаными товарами, или железными изделиями) достаточно было хранить небольшой запас других товаров.

Ещё одно лыко в ту же строку – предложение казённой палаты привлечь к платежу налога перекупщиков-прасолов, что скупают товары у крестьян и продают «на рынках, пристанях, берегах рек, постоянных дворах, на сельских базарах, ярмарках, так как подобными лицами этот торг ведётся в более значительных размерах и с большею выгодой, чем торгующими из помещений»¹¹³. Речь идёт, таким образом, о торговцах, конкурирующих с торговлей 2-го – 3-го разряда. Неравнодушное отношение к ним автора выдаёт не совсем точная приписка о том, что «народ присвоил им характерные названия барышников, кулаков-мироедов, т.е. убытка они не знают, а барыш имеют верный». Заодно казённая палата предложила привлечь к обложению и мелкие (семидневные) ярмарки, которые, в отличие от крупных, по действующему закону налогам не подлежали.

---

¹¹¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 6–6 об. Строго говоря, один из повторов вписан в качестве вставки на поле. Не исключено, что это отражает лишь передвижку фрагмента раньше по тексту. Но даже в основном тексте черновика эта мысль изложена дважды.

¹¹² Там же. Л. 10–10 об.

¹¹³ Там же. Л. 9.

Наконец, казённая палата отвергла департаментское предложение освободить самые мелкие предприятия от пошлин. «Слабые и малоодоходные или клонящиеся к упадку» предприятия, – отвечали томичи, – и без того, по усмотрению раскладочных присутствий, «не вводятся в раскладку». Правда, они должны всё-таки платить от 3 до 10 руб. за патент, но это справедливо: «если предприятия эти существуют, значит, хозяевам есть расчёт содержать их» – следовательно, должны платить ¹¹⁴.

Целая серия предложений и мнений томичей, таким образом, создаёт им образ ревностных борцов за доходы казны, стремящихся перекрыть любые податные лазейки. Этот образ рушится, когда речь заходит о дополнительном обложении оптовиков. Такой вопрос был прямо поставлен в пункте 5-м письма В.И. Ковалевского (после намёков о «коренной реформе»). Ответ палаты: никаких изменений не нужно. Правда, – указывали томичи, – нынешнее положение позволяет вести оптовую торговлю по свидетельствам 2-й гильдии, и казённая палата знает купцов, которые раз в год закупаются на Нижегородской или Ирбитской ярмарке ¹¹⁵, а затем на местах распродают этот запас оптом розничным торговцам. Но заставлять их брать свидетельство 1-й гильдии нельзя, т.к. у них вся-то прибыль в год – тысячи полторы–две, 700-рублёвое свидетельство они не потянут. «Им тогда жить нечем будет, и они вовсе должны будут прекратить свое дело» ¹¹⁶. Таким образом, как только речь от простых второгильдейцев перешла к настоящим тузам, палата позабыла свою заботу о наполнении казны и стала заботиться о благополучии торговцев. Что можно было бы объяснить интересами дела (нежелание «резать дойную корову»), если бы это не контрастировало с отношением той же палаты к мелким и средним торговцам.

Здесь же уместно назвать и ещё одно предложение томичей. Ввиду быстрого развития торговли в Сибири и по всей стране со времён предыдущего Положения о промысловом налоге (1865), казённая палата предложила заменить деление страны на 5 классов делением на 3 класса, с тем чтобы даже наименее развитые местности повысить из 5-го класса в 3-й. Казалось бы, это означает всеобщее повышение платежей и служит знаком борьбы палаты за интересы казны вопреки интересам всех торговцев. Но надо учесть, что от класса местности зависела цена лишь более дешёвых патентов: 2-го класса и ниже. Первогильдейские же свидетельства имели цену одинаковую по всей стране: значит, самых крупных купцов и эта мера не должна была затронуть.

Таким образом, вся совокупность доводов томичей позволяет если не доказать наверняка, то всё-таки обосновать подозрения в их сугубом

---

¹¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 15.

¹¹⁵ На самом деле, оптовики, снабжавшие Сибирь ирбитскими и нижегородскими товарами, закупались дважды в год – на осенней и зимней ярмарках. Говоря про закупки раз в год, палата явно стремилась занизить прибыль описываемой группы.

¹¹⁶ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 160. Л. 13.

пристрастии к соблюдению интересов крупных торговцев. По-видимому, возражения Томской казённой палаты против реформы строились не столько на технических соображениях, о которых говорит Н.Н. Покровский, сколько на желании потрафить авторитетным купцам. В таком случае не удивительно и то, что палата маскирует свои действительные мотивы.

История с томским отзывом на запрос В.И. Ковалевского заставляет вспомнить совет, полученный уже известным тогда писателем и журналистом В.Г. Короленко от одного из местных деятелей голодающего Поволжья в 1891 г.: «Бросьте вы, батюшка, эти термины: оппозиция, партии, консерваторы, либералы. Ничего вы с ними у нас не разберете. Смотрите проще; одни у нас воруют и желают сохранить за собой эту возможность: это наш консерватизм. А мы и желали бы прекратить воровство, да не можем. Вот вам и вся либеральная оппозиция»¹¹⁷. Борьба за податную реформу или сопротивление ей во многом объяснялись не политическими теориями, а практическими соображениями. За реформу – стремление реформаторов обеспечить доходы государственного бюджета в условиях меняющейся экономики, меняющегося общества. Против – стремление местных чиновников избежать лишней работы и не посориться с местными влиятельными людьми.

Проверка результатов

Как бы то ни было, реформа 1898 г. существенно изменила законодательство. Оказало ли это желаемое реформаторами воздействие? Ясно, что акционерные общества с их прозрачной отчётностью действительно стали платить больше. Сложнее оценить изменения у неотчётных предприятий. Но архивы сохранили ключ и к этой загадке.

Известно, что плательщики дополнительного промыслового налога должны были подавать «заявления» (налоговые декларации). У каждого податного инспектора ежегодно скапливались сотни, а то и тысячи заполненных бланков. Как и большинство первичных документов, эти громоздкие подборки после составления сводных отчётов уничтожались. Среди немногочисленных исключений – подборка из 383 «заявлений» по предприятиям г. Барнаула (Томской губ.) за 1914 год¹¹⁸.

В них указаны и сумма подлежащей обложению прибыли предприятия, и размер каждой части промыслового налога (основной, дополнительный раскладочный, «с излишка прибыли»). Расчёты на этой основе позволили составить график 1. Чтобы точки графика меньше сливались одна с другой, его горизонтальная шкала сделана логарифмической, а вертикальная ограничена 15 % (это отсекает две точки, которые не делают погоды).

---

¹¹⁷ Короленко В.Г. В голодный год. [Интернет-ресурс в свободном доступе:] http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1040-1.shtml [Дата проверки: 15.11.2017 г.]

¹¹⁸ ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 36.

График 1. Доля прибыли, изымаемая промышленным налогом и его составляющими у неотчётных предприятий Барнаула в 1914 г.

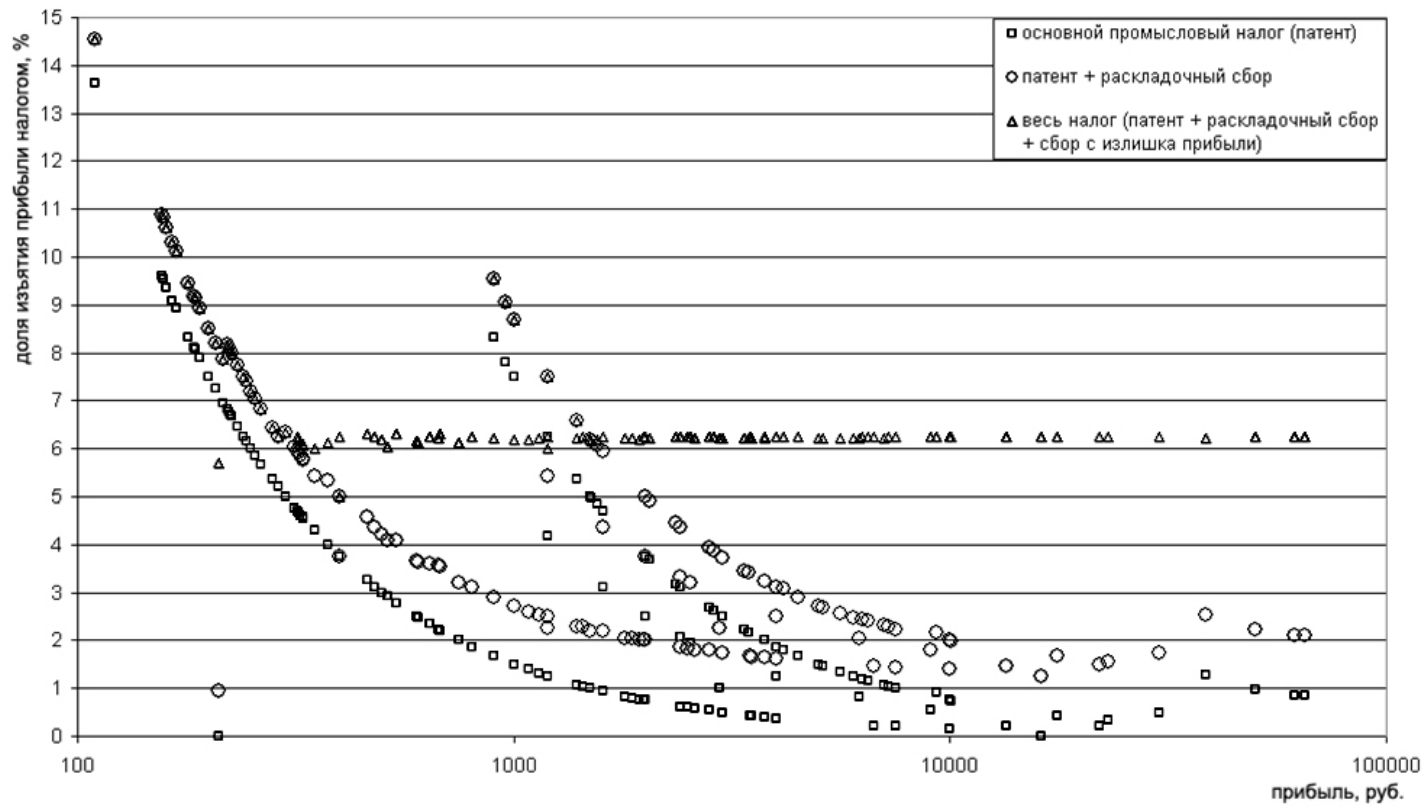

График 2. Доля прибыли, изымаемая промышленным налогом и его составляющими у барнаульских торговых предприятий 2-го разряда в 1914 г.

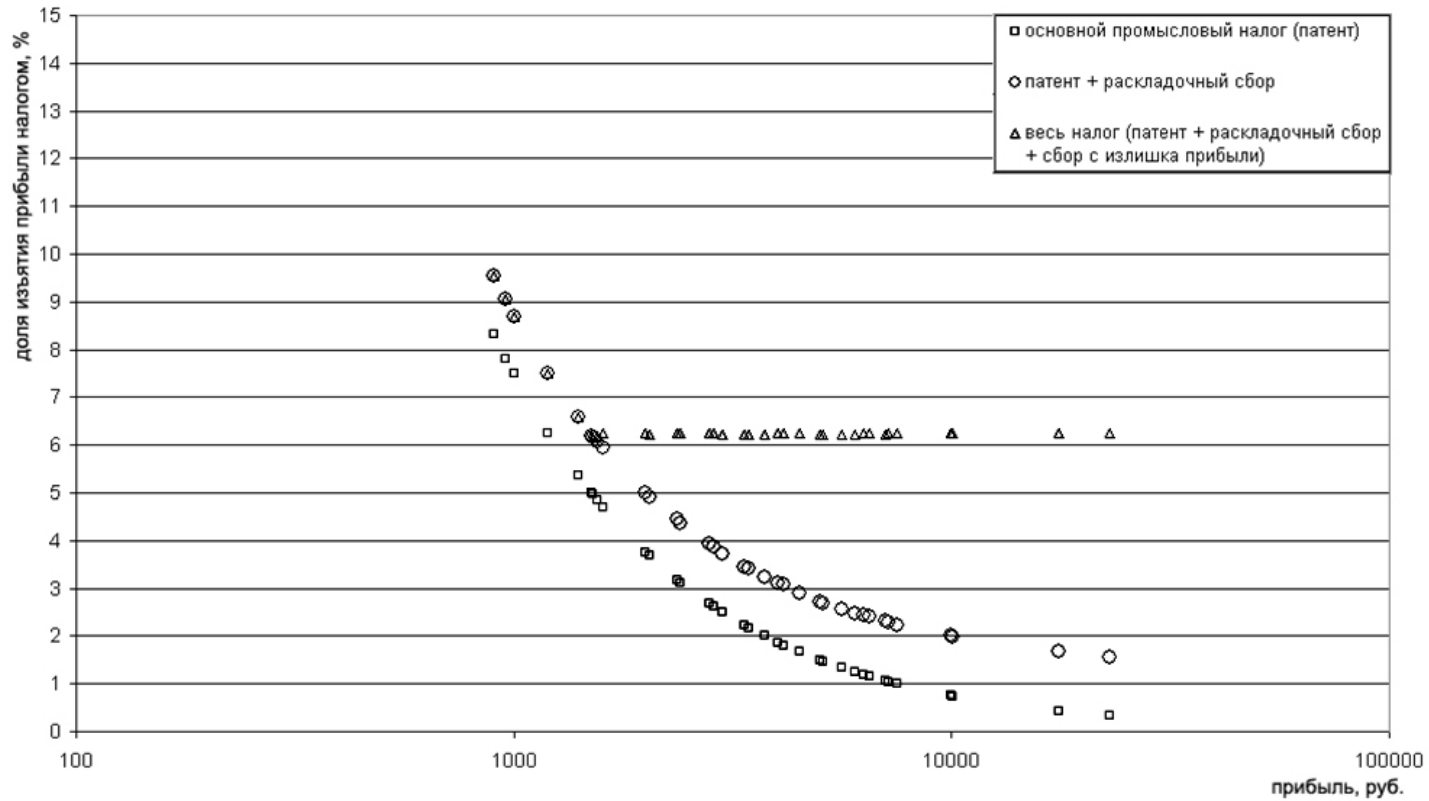
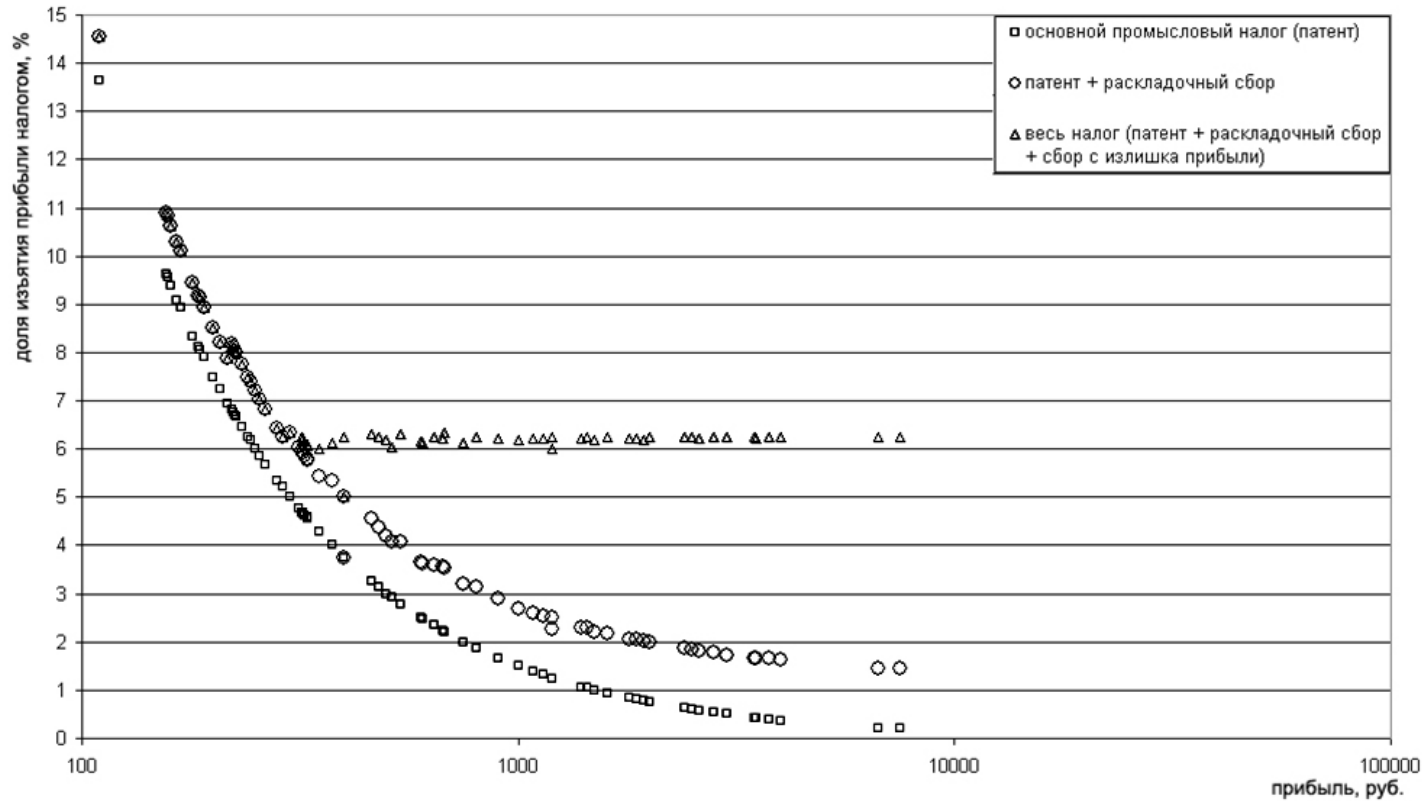

График 3. Доля прибыли, изымаемая промышленным налогом и его составляющими у барнаульских торговых предприятий 3-го разряда в 1914 г.

Из всех показателей, расчёт которых допускают «заявления», на графике 1 представлены три. Эти три позволяют, используя данные лишь за 1914 г., составить представление о действии обеих реформ – и Н.Х. Бунге, и С.Ю. Витте. Ряд квадратов показывает, как распределялось налоговое давление в ту пору, когда дополнительного промыслового налога не было вовсе – то есть, перед реформой 1885 г. Ряд кругов отражает положение между реформами 1885 и 1898 гг. (дополнительный раскладочный сбор уже платится, а сбора «с излишка прибыли» ещё нет). Наконец, треугольники – это положение по итогам реформы 1898 г. (налицо все три составляющих)¹¹⁹.

О чём же говорит внешний вид этих кривых? Прежде всего, бросается в глаза «раздвоение» графика. Он как будто соединяет по крайней мере два принципиально одинаковых, но всё же смещённых по горизонтальной шкале набора кривых для каждого из трёх показателей. Складывается впечатление, что среди предприятий выделяются две большие группы, для которых понятия «высокий доход» и «низкий доход» связаны с разными цифрами. Для правой (на графике 1) группы предприятие с прибылью в 1000 руб. оказывается малоодоходным: «излишка прибыли» у него нет. Для левой группы оно – высокоодоходное: сбор «с излишка прибыли» составляет основную часть промыслового налога.

Напрашивается предположение, что эти предприятия работают по патентам разных разрядов. Проверим его и построим отдельные графики для самых многочисленных разновидностей барнаульских предприятий 1914 года – торговых заведений 2-го и 3-го разрядов (графики 2 и 3). Если предположение верно, все точки на каждом из этих двух графиков должны укладываться в один набор кривых.

И действительно: раздвоения – как не бывало. Даже на глаз видно соответствие графиков 2 и 3, соответственно, правой и левой частям графика 1. Наложив все три графика друг на друга, можно убедиться в совершенно точном совпадении. Остаются, правда, несколько десятков точек, которые на графике 1 выглядят отклонениями от магистральных линий, а на графиках 2 и 3 отсутствуют. Но и это явление объясняется тем же способом. Достаточно вспомнить, что кроме торговцев, в Барнауле были (но в гораздо меньшем числе) и промышленники разных разрядов. Таким образом, график 1 отражает всё-таки единую логику действия реформ промыслового налога.

В чём же состоит эта логика? Разберёмся с каждым из трёх рядов по отдельности. Ряд квадратов укладывается в график гиперболы, который присущ функции обратной зависимости (чем больше, тем меньше: $y = 1/x$). Это – действие патентной системы в чистом виде: чем больше прибыль, тем меньше доля прибыли, изымаемая патентом. Вид гиперболы имеет и ряд

---

¹¹⁹ Правда, график не учитывает цену билетов на отдельные заведения (покупавшихся до 1898 г., но уже не существовавших в 1914 г.). Но эта погрешность касается основного промыслового налога, а суть реформ связана с внедрением и развитием дополнительного. Поэтому для общей оценки действия реформ потерей цены билетов можно пренебречь.

кругов. По существу, это тот же график «чистого» патента, приподнятый за счёт примерно одинакового для всех раскладочного сбора.

Наконец, ряд треугольников, что подводит итог реформе 1898 года, как будто переламывается, превращаясь из гиперболы в горизонтальную прямую. Левая его часть точно совпадает с рядом кругов. Это те предприятия, налогообложение которых не изменилось по итогам реформы Витте – те, которых не коснулся сбор «с излишка прибыли». Это их Министерство финансов считало переобложенными, для них старалось не повышать налога. Прямая же часть ряда треугольников соответствует ставке сбора «с излишка прибыли» (к 1914 г. это 5 %) в сумме с раскладочным сбором, который в зачёт сбора «с излишка прибыли» не принимался (для Барнаула 1914 г. это 1,3 %).

Таким образом, график наглядно показывает, что по части борьбы с регрессивностью промыслового налога реформа Витте оказалась более действенной, чем предыдущая. Во-первых, за счёт того, что малодоходные предприятия были освобождены от повышения налога, тогда как прибавка 1885 года коснулась всех. Во-вторых, за счёт того, что у высокодоходных предприятий дополнительный промысловый налог стал забирать тем большую долю дохода, чем выше прибыль, тогда как прибавка 1885 года была равномерной.

Здесь можно было бы подвести итог, если бы не возникал вопрос: можно ли доверять цифрам из «заявлений»? Податные инспектора не были настолько наивны, чтобы верить голословному заявлению плательщика о полученном доходе. Данные заявителей обычно исправлялись участковыми раскладочными присутствиями. Но ведь и само присутствие не могло точно знать, сколько прибыли получил каждый из сотен торговцев города или уезда. В отсутствие прозрачной бухгалтерии прибыль неотчётных предприятий определялась заведомо неточно.

В то же время, можно полагать, что эти ошибки не были настолько грубыми, чтобы обесценить использованные данные. Во-первых, присутствия состояли в основном из предпринимателей, знающих местную конъюнктуру по собственному опыту. Во-вторых, действующие лица присутствия имели противоположные интересы (торговцы склонны занижить прибыль, податной инспектор – завысить). В-третьих, действовала система внешнего контроля за работой присутствий и обжалования их решений (от казённой палаты до Сената).

Значит, сделанный выше вывод всё-таки может использоваться не только для описания механизма реформы, но даже для описания действительного её воздействия, надо лишь сделать следующие две оговорки. Было бы неверно утверждать, что ни одно «переобложенное» (по мерке Минфина) предприятие не попало под действие налога «с излишка прибыли». Было бы неверно утверждать, что все высокодоходные предприятия стали платить ровно по 6,3 % прибыли.

При этом несомненно, что одни плательщики (и это обладатели скромной прибыли) в результате реформы сохранили размер налоговых платежей, а другие (имеющие значительную прибыль) стали платить существенно больше, причём у крупных капиталистов сбор «с излишка прибыли» съедал большую долю прибыли, чем у базарных лавочников. И следовательно, реформы 1885 и 1898 гг. изменили не просто теоретическую схему расчёта промыслового налога; они действительно изменили распределение тяжести налогообложения.

Офшор поневоле

Неожиданное подтверждение весомости дополнительного промыслового налога связано с одной западносибирской особенностью. Ни в 1885-м, ни в 1898-м году дополнительный промысловый налог не появился в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях, относившихся к ведению Омской казённой палаты (равно как и на других окраинах Сибири и Кавказа). Здесь был сохранён прежний, исключительно патентный, промысловый налог с увеличением лишь его ставок на 25 % (исключение составила лишь золотопромышленная отрасль после закона 12 марта 1901 г.). Причины этого в общем виде объяснили чиновники центрального аппарата Минфина, указавшие на необходимость «считаться с огромными пространствами, редким населением и бытовыми особенностями преимущественно инородческого населения наших окраин, не всегда даже имевшего прочную, постоянную оседлость»¹²⁰.

Между тем, Акмолинская область – окраина своеобразная. Огромные пространства кочевых земель, заселённых преимущественно кочевниками-казахами (по терминологии XIX в., «киргизами») соединялись в одно административное целое с узкой полосой русских земель на севере области. Здесь были и казачье землевладение, и крестьянские хозяйства, и Транссиб (с приходом которого стали появляться крупные арендаторские хозяйства), и крупные ярмарки, и города Петропавловск, Омск. Словом, северная полоса Акмолинской области с точки зрения хозяйства была полноценной и неотъемлемой частью русской Западной Сибири. Заодно с кочевыми просторами она оказалась выведена из-под действия дополнительного промыслового налога. Получалось, что два одинаковых предприятия в полусотне вёрст одно от другого могли быть обложены с разной степенью тяжести. Этим воспользовались предприниматели.

Столичный чиновник Д. Л. Киреевский, ревизовавший податное дело Тобольской губернии в октябре 1905 года, писал в отчёте: «обращает на себя внимание ненормальное положение прилегающего к Тобольской губернии Степного края, где вовсе нет раскладочного сбора. Ведёт это к тому, что ежегодно по несколько торгово-промышленных фирм переносят свои действия из Тобольской губернии в ближайшие к ней местности Акмолинской

---

¹²⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3278. Л. 128.

области, с явной целью уклониться от уплаты дополнительного промыслового налога. За последнее время в этом отношении особенно отличились заграничные конторы по экспорту масла, большинство которых постепенно ушло из Кургана, преимущественно в Омск и Петропавловск»¹²¹.

Отзыв ли ревизора подтолкнул изменения, или Министерство финансов и по другим данным осознало необходимость выравнивания налоговых режимов в Западной Сибири, но в 1905 году от Омской и других причастных казённых палат в столицу были затребованы сведения о перспективах повсеместного введения дополнительного раскладочного налога¹²². Руководство Омской палаты пришло к выводу, что раскладочный сбор можно вводить повсеместно. Всё равно подавляющая часть торговцев (слишком мелких) обложению этим сбором не подлежит, более же крупная торговля «и по условиям производства ее, и по характеру своему ничем не отличается от торговли соседних губерний Сибири, где этот сбор введен»¹²³. Законодательное воплощение этой поправки Минфин связывал с общей реформой промыслового налога, но поскольку она заглохла, провёл по закону 14 октября 1914 г., в одном пакете с другими мелкими мерами по повышению налоговых доходов. С 1915 года урезанный промысловый налог сохранился лишь в Якутской (за пределами г. Якутска), Сахалинской и Камчатской областях¹²⁴. На остальные районы были распространены дополнительный раскладочный сбор и процентный сбор с излишков прибыли.

Нам же эта история позволяет оценить степень чувствительности дополнительного промыслового налога для предпринимателей. Без дополнительных данных трудно сказать, почему уходом от налога «отличились» именно скупщики масла. То ли они были особенно легки на подъём (ввиду простоты и дешевизны своего оборудования), то ли иностранцы оказались более привычны, чем русские, к поиску налоговых лазеек, то ли просто скупка масла оказалась на юге Тобольской губернии самым распространённым видом крупного неотчётного предпринимательства. Как бы то ни было, ясно, что дополнительный промысловый налог играл существенную роль в обложении торговли. И судя по отзыву Д.Л. Киреевского, эту роль он приобрёл именно после закона 1898 г.

---

¹²¹ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 617. Л. 5 об.

¹²² РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3278. Л. 28–28 об.

¹²³ Там же. Л. 82–90.

¹²⁴ О возвышении ставок некоторых видов существующего обложения, о распространении взимания раскладочного сбора с торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий на ряд объектов и о привлечении к промысловому обложению кинематографических предприятий. Представление министра финансов в Государственной Думе от 17 марта 1915 года. С. 22. (Закон 14 октября 1914 года был принят по 87 статье Основных законов, а на одобрение Государственной думы представлен уже постфактум. Представление отпечатано типографским способом. В настоящей работе использован экземпляр, хранящийся в Российской национальной библиотеке).

Итак, реформы промыслового налога в 1885 и 1898 годах, хотя и проводились разными министрами, оказываются взаимодополняющими. Н.Х. Бунге установил подоходную составляющую в промысловом налоге, что позволило брать с крупных предприятий больше, чем с малых. С.Ю. Витте снабдил подоходную составляющую новым принципом её использования («налог с излишка прибыли»), и это позволило начать движение к тому, чтобы для крупных плательщиков тяжесть налога была большей, чем для малых предприятий.